

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ

ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ

Повесть об Александре Невском

Художник
Николай
Гордеев

«МАТРИЦА»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

То, о чём рассказано в этой книге, было очень-очень давно: свыше семисот лет назад, в страшные для русского народа времена — во времена монголо-татарского нашествия на Русь.

Было на исходе знойное лето 1250 года. Яркое солнце щедро сияло над скорбным городом Владимиром, где ещё немало чернелось пустырей и развалин от недавно минувшего нашествия татарской орды.

Речка Клязьма как ни в чём не бывало вилась и сверкала под горою в зелёной, сочной луговине. И ребятишки, как в добрые времена, купались, брызгались и звонко перекликались между собою на отмели возле большого деревянного моста в город. Иные из них прямо из речки кидались на горячий песок и, вывалявшись в нём, грелись на солнышке.

Один только мальчик не купался. Он сидел отдельно от всех на противоположном, низком берегу, на жердяном поперечном затворе, что закрывал въезд на мост. С виду он казался не старше восьми лет, худенький, белокрытый,

взъерошенный. Лицо у него было измождённое, однако живое и сметливое. Он был босой, ножонки в цыпках. Одет в рваную, выцветшую рубашку с пояском и в жёсткие — трубами — штаны из голубой в синюю полоску пёстрыди.

Вот он сидит на мостовом затворе, заграждающем мост, болтает босыми ногами и подставляет солнышку то одно, то другое плечо. Время от времени встаёт на жердину и всматривается в даль просёлочной дороги.

— Дяденька Акиндин, возы х́очут через мост проезжать! — кричит он куда-то вниз, в тень большой, раскидистой ветлы возле самого моста.

Грубый ленивый голос отзывается ему из-под берега:

— Чего орёшь? Рыбу хочешь распугать?.. Не первый день сидишь у меня на мосту, сам должен знать: бери с проезжих мостовое — вот и всё твоё дело. А отдадут за проезд — подымай жердину, и пускай проезжают...

Мальчик подбегает к остановившимся возам. Хозяева возов платят ему за проезд. Вместо денег идёт беличья шкурка с головкой и коготками — мордка. Хозяин моста строго-настрого запретил Гриньке — так зовут мальчика — принимать старые, истрепававшиеся шкурки, а требует, чтобы платили совсем новыми.

— Отдали! — кричит Гринька хозяину.

Акиндин Чернобай — богатый купчина, ростовщик и содержатель моста через Клязьму, жирный, сырой мужчина средних лет, тёмный с лица, с заплывшими глазками, — сидя в холодке под ветлою, лениво поднимает правую руку и тянет снизу за верёвку. Верёвка эта болтается над его плечом. Мостовой затвор там, наверху, медленно поднимается, как колодезный журавль, и возы проезжают через мост. Но Чернобай даже и глазом не ведёт. Он по-прежнему неотрывно

глядит на воду; влажный песок берега возле мостовщика весь утыкан удилищами, и Чернобаю надо следить за поплавокми: не клюёт ли?..

Гринька мчится и передаёт своему злому хозяину проездное.

Сегодня воскресенье, и только потому купец и сидит сам возле моста: Акиндин Чернобай решил потешиться рыбной ловлей. А так вовсе не от мостовых сборов богатеет купчина...

Ещё покойный князь Ярослав Всеволодич, отец и великого князя Владимирского Андрея и Александра Невского, что княжит в Новгороде, обогатил Чернобая. Старый князь запродавал купцу и весь хмель в окрестных лесах, и ловы бобровые, да в придачу ещё и мостовой сбор на Клязьме. А без хмеля как жить крестьянину? Ведь и тесто не взойдёт, если горстку хмеля не кинет хозяйка в квашонку. И вот когда приходило время крестьянам драть хмель в лесах, то пойдя сперва поклонись купцу Чернобаю да заплати ему, а то приказчики его и в хмельники тебя не пустят. А давно ли ещё хмель весь был общественный!

Худо стало и охотнику-зверолову.

Уж не знают мужики, куда и податься от такого житья. Многие стали в дальние северные леса уходить: там, в глухих дебрях лесных, и татарские начальники — баскаки, — да и княжеские приказчики — тиуны — долго ещё не отыщут.

А то ведь и княжеские поборы одолели, и на татарина дань князья требуют, и на церковь плати, а тут ещё и Чернобаю подавай!

Были и другие недобрые доходы у купца Чернобая: он отдавал свои деньги в долг обедневшим людям. А после того, как придёт срок платить, в три раза больше сдирал с должника. А коли не уплатишь, то забирал к себе в холопы: отработывай!

По воскресеньям любил Акиндин Чернобай сам получать мостовое. Большая кожаная сумка с медной застёжкой и сейчас висела у него на боку.

Иной раз проезжающий отстранял Гриньку — не хотел платить. Тут, услышав такое, словно жирный паук-мизгирь, почувявший муху в своей паутине, выбегал из-под моста Чернобай.

И тогда — горе жертве!

Простые владимирские горожане и окрестные пахарисмерды, везущие во Владимир хлеб и овощи на продажу или что другое, — те и не пытались спорить с купцом-мостовщиком. Они боялись его. «Змий, чисто змий!» — горестно говорили они о Чернобае.

Безмолвно, с тяжёлым вздохом отдавали они ему за проезд из любого товара, отдавали с лихвой. А проехав мост и не вдруг-то надев шапчонку, нет-нет да и оглядывались и принимались хлестать кнутом изребрившиеся, тёмные от пота бока своих лошадей.

Если кто пытался миновать мост и незаконно проехать бродом, того Чернобай останавливал и возвращал. С багровым, потным лицом, поклёванным оспой, вразвалку приближался он к возу бедняги и, опершись о грядку телеги, кричал тонким, нечистым, словно у молодого петуха, голоском:

— Что, провинился, дружок?.. Теперь плати, тряси кошель!

Если крестьянин упирался, то Акиндин Чернобай тащил его с воза. Да ещё и кулаком ударит в лицо...

Но так как сиживал он возле моста лишь по праздникам, то решил принять меры, чтобы и без него никто не смел переезжать речку бродом. И вот какое лихое дело измыслил купчина. Приказал он своим работникам утыкать всё дно и справа и слева от моста острыми обломками кос и серпов.

Сколько лошадей перепортили из-за него мужики!

Один раз крестьяне сбросили его с моста в Клязьму. Он выплыл.

Пьяный, бахвалился Чернобай:

«Мне княжеской дворецкой — кум. Он у меня дитя крестил... У меня многие сыны боярские в долгу. А платить им нечем. Охо-хо-хо! Да и сам великий князь Андрей свет Ярославич знает меня, худого! Ну а не поладим мы с князем, то я не гордец, подамся в Новгород Великий. И там меня, убогого, знают. Меня и там в купцы запишут».

...К мосту через Клязьму близился высокий, могучий всадник на статном вороном коне с жёлтыми подпалинами. Всадник был в красном шёлковом плаще с золотыми разводами, без головного убора, в сафьяновых зелёных сапогах с загнутыми носками.

Весь его облик был исполнен высокой, резкой и мужественной красоты. Волнистые светлые, золотого отлива волосы откинута назад. Глаза большие, грозно-голубые, с длинными чёрными ресницами. По виду он только что вступил в пору первого мужества. Небольшая русая бородка опушала его подбородок. Щёки сквозь загар пылали алым румянцем.

Изредка всадник привставал на стремях и бросал взгляд назад: далеко отстав, за ним мчалась его свита — несколько конников в сверкающих на солнце кольчугах и шлемах и несколько человек в богатых плащах.

Город всё близился, раздвигался, крупнел. На своём высоком, крутояром берегу столица Северной Руси похожа была издали на огромный белый и золотой мыс, испещрённый синими, алыми и лазоревыми пятнами.

Белой и золотой была широкая и возвышенная часть мыса, а идущий книзу его угол был тёмным и почти совсем лишён белых и золотых пятен.

Белое — это башни и стены кремля, храмов, монастырей. Золотое — кресты и купола церквей и обитые золочёной медью гребенчатые кровли княжеских палат и боярских теремов. Эта часть Владимира называлась Верхний город, Гора, Кремль.

Тёмным же углом исполинского мыса виднелся издали совсем не ограждённый стенами городской посад. Здесь обитали ремесленники, владимирские огородники да пригородные крестьяне монастырских и боярских земель.

Теперь могучий всадник вместе со своим конём казался против города не больше макового зёрнышка...

Вот на той стороне, у подошвы крутого откоса, на зелёной кайме приречья хорошо стали различимы сизые большие, словно кованые, кочаны капусты, гогочущие раскормленные гуси и даже яркие разводы и узоры на платках и сарафанах женщин, работающих на огороде.

Через Клязьму слышны стали звонкие, окающие и словно бы где-то в лесу перекликавшиеся голоса огородниц.

Вот и мост. Витязь попридержал коня. С седла ему стало видно, что мост худой: конь может оступиться. Всадник нахмурил брови и покачал головой. Потом спешился и взял коня под уздцы.

Мостовой затвор был опущен и преграждал въезд. Витязь остановился в недоумении: ведь вот как будто только что сидел тут похожий на воробышка малец, сидел на этой самой перекладине, и вдруг как ветром его сдуло!

А между тем внизу, под ветлюю, происходило вот что. Когда Гринька завидел всадника, то сразу понял, что это едет кто-то из знатных. А потом и признал его. Да и как было не признать, когда столько раз, бывало, глазел мальчуган на этого человека в его частые приезды во Владимир, жадно

смотрел на него вместе с другими ребяташками, уцепясь где-либо за конёк крыши, или с дерева! Стремглав ринулся Гринька с моста под берег, прямо к хозяину, дремавшему над своими удочками. С разбегу малец чуть не сшиб купца в воду.

— Дяденька Акиндин! Отворяй мост скорее! — задыхаясь, выкрикнул он.

Купчина вздрогнул и открыл глаза.

— Ты что, Гришка? — вскричал он. — Ох ты, леший проклятый! Ты мне всю рыбу распугал, весь клёв испортил!

Акиндин Чернобай грузно привстал, ухватясь за плечо мальчугана, да ему же, бедняге, и сунул кулаком в лицо. Гринька дёрнул головою, всхлипнул и облился кровью. Кричать он не закричал: он знал, что за это ещё хуже будет. У него даже хватило соображения отодвинуться от хозяина, чтобы как-нибудь не окапать кровью, текущей из носу, белую чесучовую рубаху Акиндина. Гринька, пошатываясь, подошёл к воде и склонился над ней. Вода возле берега побурела от крови.

Чернобай неторопливо охлопал от песка широкие, заправленные в голенища штаны, поправил шерстяной вязаный поясок на пузе и вдруг сцапал руку Гриньки и разжал её: никакой выручки у мальчика не было. Тогда хозяин ещё больше рассвирепел.

Но только он открыл рот для ругани, как сверху, с моста, послышался страшный треск ломаемой жерди, и в тот же миг и сама толстенная мостовая затворина со свистом прорезала воздух и шлёпнулась в Клязьму. Во все стороны полетели брызги. Купца охлестнуло водой.

С грозно-невнятным рёвом «А-а!» — Акиндин Чернобай кинулся на расправу.

Проезжий был уже снова в седле.

Не видя всадника в лицо, остервеневший мостовщик сзади схватил его за стремянный ремень и рванул к себе стремя.

Рванул... и оцепенел: он узнал князя.

Долгие навыки пресмыкания перед князьями и боярами подсказали рукам Чернобая совсем другое движение: он якобы не стремя схватил, а обнял ногу всадника.

— Князь!.. Олександр Ярославич!.. Прости... обознался! — забормотал он, елозя и прижимаясь потной, красной рожей к запылённому сафьяну княжеского сапога.

Александр Ярославич молчал. Он только сделал движение ногой, чтобы высвободить её из объятий мостовщика. Тот отпустил сапог и рукавом рубахи отёр лицо.

— Подойди! — негромко произнёс князь.

Этот голос многие знали в народе. В битвах и на вече* народном голос Александра Невского звучал как труба. Он перекрывал гул и рёв сражений...

Купец мигом подскочил к самой гриве коня и выбодрился перед очами князя.

Обрубистые, жирные пальцы Чернобая дрожали, суетливо оправляя поясок и шёлковую длинную рубаху.

— Что же ты, голубок, мосты городские столь беспутно содержишь? — громко спросил Александр.

— Я... я... я... — забормотал, заикаясь, Акиндин.

Князь указал ему взглядом на изьяны моста:

— Проломы в мосту... Тебя что, губить народ здесь поставили? А?

Голос князя нарастал.

---

* Вече — народные сходы, собрания в Древней Руси.